

«ЧУЖОЕ» СЛОВО В ПЬЕСЕ «ДАР МУДРЫХ ПЧЕЛ» Ф. СОЛОГУБА

Анализируются текстологические связи между пьесой «Дар мудрых пчел» Ф. Сологуба и философским эссе «Жизнь пчел» М. Метерлинка. На материале архивных данных и фондов личной библиотеки установлен феномен культурного диалога, в который вступает с бельгийским писателем Ф. Сологуб. Этапы этого диалога проявляются в наличии собственных томов оригинальных и переводных произведений; создании переводов к отдельным стихотворениям и возможном участии в переводе некоторых пьес; использовании определенных образов и тем из философского эссе в развитии собственного художественного произведения; написании статьи о творчестве М. Метерлинка. Увлечение Ф. Сологуба творчеством М. Метерлинка определяется в качестве возможного импульса к созданию в начале XX в. ряда драматургических произведений, обращению к проблемам сценического искусства и поискам нового театра.

Ключевые слова: Сологуб; Метерлинк; символистский театр; образ пчелы.

Пьеса «Дар мудрых пчел» была написана в 1906 г., открыв драматургический период в творчестве Ф. Сологуба. Данный художественный текст неоднократно обращал на себя внимание исследователей по целому ряду причин.

Во-первых, это популярность в начале XX в. мифологического сюжета о Протесилае и Лаодамии, о чем свидетельствует существование четырех авторских драматических интерпретаций: «Протесилай и Лаодамия» С. Выпянского (1899 г.), «Лаодамия» И. Анненского (1902 г., опубликована в 1906 г.), «Дар мудрых пчел» Ф. Сологуба (1906 г.), «Протесилай умерший» В. Брюсова (1913 г.). Сопоставительный анализ этих произведений представлен в работах Л. Силард [1], О.К. Страшковой [2]. Существует и еще один текст, который, как писал сам Сологуб в предисловии к более позднему изданию драмы, послужил импульсом к созданию произведения, – статья Ф.Ф. Зелинского «Античная Ленора» [3. С. 45].

Во-вторых, появление сологубовской драмы связано с поисками нового театра (эта тема освещена в работе Э. Успенски [4]). По мнению Ф. Сологуба, театр должен был представлять собою «отвлечение от действительности, противоположное реальности, максимум условности, ибо это – преображение обычности, полет в царство мечты, ибо ведь из отвращения и пресыщения фактами повседневности и явилась осознанная потребность в Театре, “томление по мирам иным”, “жажда новой действительности”» [5. С. 13]. Драма «Дар мудрых пчел» была написана для постановки в театре В.Ф. Комиссаржевской, главным режиссером в котором в 1906–1907 гг. был В. Мейерхольд. На сцене театра Комиссаржевской им были поставлены «Гедда Габлер» Г. Ибсена, «Вечная сказка» С. Пшибышевского, «Балаганчик» А. Блока, «Сестра Беатриса» и «Пелас и Мелисанда» М. Метерлинка. Постановка «Дара мудрых пчел» была запрещена цензурой, однако пьеса была включена Мейерхольдом в репертуар театра желанного – режиссер считал, что «в ней есть все, что нужно нашему сегодняшнему театру» [6. С. 136].

Вопросу о текстуальных источниках драмы «Дар мудрых пчел» посвящена статья Д. Меррилла [7]. Автор приходит к выводу, не вызывающему никаких сомнений: Сологуб активно использует в своем произведении мифологические образы, неизменно переозвучивая их и создавая таким образом свой субъективный образ мира, творя нео-миф. Тексты мифов, драмы Анненского и статья Зелинского служат отправной точкой в развертывании собственного текста. Уже само заглавие произведения Сологуба (об этом упоминает

Д. Меррилл) стоит особняком в обозначенном выше ряду пьес: остальные названы по имени одного или обоих главных героев. В драме «Дар мудрых пчел» образы пчелы, меда, воска становятся центральными. Об этом в числе первых заговорил М. Волошин [8], подробно описывая древнегреческую символику меда. Пчелы в данном контексте – это «те души, что готовятся к воплощению», а воск становится «символом пластической материи, из которой строится физическое тело». Однако подобная трактовка не является исчерпывающей и не всегда «работает» внутри сологубовского текста. Существует и еще один вероятный источник этих образов – философское эссе «Жизнь пчел» М. Метерлинка.

С детства Сологуб был очарован произведениями В. Шекспира, Д. Дефо и М. Сервантеса. На протяжении нескольких десятилетий своей жизни он сохранял стабильный интерес к творчеству П. Верлена, о чем красноречиво свидетельствуют две переводные книги стихов. Исследование опубликованных, а также неизданных переводов Сологуба позволяет определить круг литературных интересов русского писателя, что, в свою очередь, способствует пониманию творчества самого Ф. Сологуба. Ввести М. Метерлинка в круг писателей, интересовавших Ф. Сологуба, позволяют материалы архивных фондов рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. В архиве писателя хранятся переводы двух стихотворений М. Метерлинка, один из которых («Молитва») выходил в периодической печати [9. С. 98], другой же («Теплица») не публиковался. В авторской картотеке переводов есть упоминание о еще одном обращении к творчеству Метерлинка, а именно – о переводе стихотворения «Искушения» («Tentations») 16 июля 1902 г. (по первой строчке – «В теплице темного ума...»). Объем выполненных переводов отнюдь не велик и в процентном соотношении с общим объемом оригинальных текстов книги, и в сравнении с количеством переводов из других поэтов-символистов – С. Малларме или А. Рембо, не говоря уже о книге переводов из П. Верлена. Точную причину определить сложно. Вероятно, поэтическое творчество не было созвучно собственному (как в случае с Верленом) или не давало повода для «преодоления трудностей» (как тексты уже упомянутых выше Рембо и Малларме). Однако творчество Метерлинка не оставляло Сологуба равнодушным. Во-первых, об этом свидетельствуют книги, находившиеся в личной библиотеке писателя [10]: девять оригинальных¹ и одиннадцать переводных². Во-вторых, в архивах рукописного отдела ИРЛИ РАН сохранилась статья, отражающая восприятие Ф. Сологубом творчества

М. Метерлинка. Она представлена в двух экземплярах машинописи – 1915 г. («Мудрость Метерлинка», автор – Ф. Сологуб) и 1915–1917 гг. («Любовь и смерть в произведениях Метерлинка», авторы – Ф. Сологуб, Ан. Чеботаревская). Эта статья демонстрирует, как Сологуб прочитывает Метерлинка сквозь призму собственных текстов: темы «близкородственной» связи любви и смерти, детства, крайнего индивидуализма и жертвенности, столь характерные для его собственного творчества, Сологуб выделяет и у Метерлинка. Эта статья – явление из разряда исключительных, поскольку Ф. Сологуб не склонен был расшифровывать художественные тексты и пояснять их смысл «простому читателю».

Очевидно, что произведения Метерлинка вызывали живой интерес Сологуба. Он не пытался максимально широко освоить творчество бельгийского писателя в собственных переводах, однако нельзя исключать и возможности его участия в создании некоторых переводных текстов, выполненных Ан. Чеботаревской, а именно – «Пелеас и Мелизанда», «Принцесса Малэн», «Монна Ванна». Возможно, творчество М. Метерлинка, символизирующее отказ от театра натуралистического и обращение к театру стилизации, послужило отправной точкой в обращении Ф. Сологуба к драматургии и театру.

Философское эссе «Жизнь пчел» («La vie des abeilles») было опубликовано в Париже в 1901 г. В сологубовской библиотеке тоже был один из экземпляров этого издания [11]. Содержание книги представляет собой повествование об организации жизни улья, перемежающееся с обобщениями философского характера. Определяя цель своего труда, автор пишет, что хотел «представить факты столь же научно, но в более живой форме, связать их с некоторыми более глубокими и более свободными о них размышлениями и придать им очертания более гармоничные, чем то возможно сделать в руководстве, в практическом учебнике или научной монографии» [12. С. 210]. Метерлинк описывает пчелу как «маленькое странное существо, живущее обществом, управляемое сложными законами и совершающее во мраке удивительные работы» [Там же. С. 211]. При этом жизнь пчел организована так тонко и мудро, как только это возможно для существа, постигшего истину жизни: «...пчелы видят дальше, чем видит сам этот бог [человек]» [Там же. С. 214].

В пьесе Сологуба пчелы наделены эпитетом «мудрые» не случайно: в одной из редакций статья, посвященная творчеству Метерлинка, как уже упоминалось выше, будет озаглавлена «Мудрость Метерлинка», и сами метерлинковские пчелы будут определены как мудрые: «...что же такое любовь, что такое этот глубокий и первоначальный долг, зажигающий сердце человека, дающий *мудрым пчелам*³ их радостный полет в поисках нектара, движущий в небесах неисчислимые миры?» [13. Л. 5].

У Сологуба образ пчелы становится символом жизни, разумной, одухотворенной и творческой. Пчелы сопровождают Феба (Аполлона), златокудрого бога, охранителя света, наук и искусств. Так, в подземном царстве вздыхает о Фебе Персефона (согласно одному из мифов, он сватался к ней до похищения Персефоны Аидом): «О златокудрий, рождающий мудрых пчел! Как золотые стрелы, жужжат золотые пчелы. И сладостный в земных цветениях для пчел благоухает мед» [3. С. 57]. Или, утешая

Лаодамию, служанка Нисса призывает ее обратиться к жизни: «Слушай, как звонко стрекочут цикады, таясь в траве, как медленно и ровно жужжат золотые пчелы, вечные работницы, собирая сладкий мед и мягкий воск» [Там же. С. 58]. Принося Лаодамии благоуханные цветы, ее подруги обращают внимание на пчелу, выходящую и жужжащую над розой, олицетворяющую радость жизни.

Сама же Лаодамия постоянно говорит о темных, злых пчелах, т.е. о горькой своей жизни вдали от Протесилая: «Налетели на меня, окружили меня темные пчелы печали, изжалили они мое сердце, соты горького меда скопили в нем, злые, – и тает мое сердце, как тает воск» [3. С. 58]. И далее: «Тоскую о моем милом, о доблестном Протесилае. Горькою мукою полно мое бедное сердце, – горький мед злых пчел! – и помыслы мои черны...» [Там же]. Рассказав подругам о своем вешнем сне, Лаодамия добавляет: «Золотые пчелы жужжали за моим окном, жужжали, и золотые стрелы светлокудрого Феба упали на мое плечо, и пчелы темные, злые жалили мое сердце, и ныло от боли мое сердце – соты горького меда, – и я плакала, плакала неутешно» [3. С. 66].

Мед в пьесе является метафорой любви, неразрывно связанной с жизнью *rag excellence*, и примеры тому многочисленны: о горьком меде в своем сердце постоянно твердит Персефона; речи Афродиты, богини любви, называет Лаодамия гиметским медом; она же взывает к Персефоне:

О Персефона!

Ты помнишь, ты хочешь

Тихой улады

Поцелуя.

Ты знаешь, ты помнишь

Смерть победившего бога.

Ты хочешь, ты хочешь

Веселья,

Сладкого меда [Там же. С. 97].

О воске как о метафоре искусства в пьесе Сологуба исследователи уже говорили [7]: с воском работает скульптор Лисипп, который и создает статую Протесилая (в отличие от других версий мифа, согласно которым это делает Лаодамия). Образ молодого художника в сологубовской пьесе является авторской модификацией мифа. Он юн, и другие персонажи называют его «отроком». И именно он в произведении Сологуба напрямую связан с искусством: он лепит восковые статуи, которыми восхищается весь город. По аналогии, в эссе Метерлинка говорится о том, что только молодые пчелы причастны к таинству выработки воска и созданию пчелиного города: воск является «привилегией самых молодых пчел» [12. С. 267]. Воск описывается у Метерлинка как нечто высокое и таинственное: «Ни одна из пчел не знает отдыха, и те, например, которые выглядят совсем спящими и висят у стекол мертвыми гроздьями, выполняют наиболее таинственную и утомительную задачу: они вырабатывают и выделяют воск» [12. С. 219]. Невольно возникают ассоциации с напряженной внутренней жизнью истинных художников (в широком смысле этого слова), чье мирское существование может казаться обывателю статичным и бессмысленным. Воск у Метерлинка – «почти белоснежный и более легкий, чем пух крыла» [12. С. 267]. И далее о воске, возникающем в улье: «...Рождающийся здесь воск не похож на тот, ко-

торый мы знаем; он не запятнан, невесом, он поистине кажется душою меда, который, в свою очередь, составляет душу цветов; вызванный в неподвижном заклинании, он позже, в наших руках, в воспоминание его происхождения, в котором столько лазури, ароматов, кристаллизованного пространства, сгущенных лучей, чистоты и великолепия, становится благоухающим светилем наших последних алтарей» [Там же]. Данный фрагмент демонстрирует, как важна роль читателя в создании символистского (и вообще художественного) текста: Метерлинк пишет, а Сологуб вычитывает в натурфилософском эссе о жизни пчел идеи о сущности и назначении искусства. Пчелы, мед и воск в пьесе Сологуба становятся метафорами жизни, любви и творчества.

Тема взаимосвязи любви и смерти определяется Сологубом в качестве ключевой в творчестве Метерлинка: «Трудно в наше время найти поэта, у которого столь же тесно, как у Мориса Метерлинка, переплетались бы две величайшие проблемы Человечества, Любовь и Смерть в их, по выражению Тютчева, “Поединке роковым”, в их незаметной для поверхностного наблюдения, но близкородственной связи» [13. Л. 1]. Объяснение этому Сологуб видит в том, что истинная любовь всегда есть самоотречение. Приведем здесь цитату из неопубликованной статьи, расставляющую все точки над «и»: «Нет больше грани, как от детства к возмужалости. Покойники от живых отличаются не меньше, чем мы, взрослые, от детей. По словам одного стихотворения, “живы дети, только дети, мы мертвы, давно мертвы”⁴. А что же такое эта дивная сила, которая прекращает вдруг буйное настроение юной жизни, отнимает всю силу от детского первоначального эгоизма и заставляет человека от жадного накопления перейти к безоглядному расточению сил? Эта дивная сила – Любовь... <...> Любовь всегда жертвенна. Полюбить – это значит сойти с твердого камня самоутверждения и идти жертвенным путем к смерти» [13. Л. 6]. Действительно, и в «Жизни пчел» мы находим: «Большинство живых существ смутно чувствует, что лишь нечто крайне непрочное, нечто вроде тонкой прозрачной перепонки отделяет область смерти от области любви...» [12. С. 300].

Идея о неразрывной связи любви и смерти лейтмотивом проходит сквозь драму Сологуба. Во время ритуала Диониса в четвертом действии звучат слова подземных богов: «Вечная любовь / Сочетает жизнь со смертью», «Жизнь и смерть, / Да и нет – / Одно!». В финале подруги Лаодамии, оплакивая ее, восклицают: «Умерла, умер-

ла Лаодамия. О, дивная смерть! Плачьте, плачьте о милой Лаодамии, но с плачем соедините и великую радость и славьте небесную очаровательницу, роковую Афродиту! Слава, слава тебе, Афродита! Над смертью торжествуешь ты, небесная, и в пламенном дыхании твоим тает земная жизнь, как тает воск» [3. С. 114].

Не только образы и темы пьесы «Дар мудрых пчел» восходят к творчеству М. Метерлинка, но и сама идея новаторской пьесы. Драматические произведения Ф. Сологуба создаются в ситуации поисков нового театра, пресыщения театром натуралистическим, который есть, по мнению Сологуба, лишь «обезьяна театра».

Ф. Сологуб читал и переводил произведения М. Метерлинка, хранил тома его произведений в домашней библиотеке. О том, насколько высоко он ценил творчество бельгийского писателя, свидетельствуют неопубликованная статья и фрагменты изданных работ об искусстве и театре. Произведения М. Метерлинка были для него в числе литературных ориентиров, и, рассуждая о большом искусстве, которое, по Сологубу, суть искусство символическое, русский писатель упоминал: «...от Эсхила и Софокла до Ибсена и Метерлинка⁵, все они создавали образы, ставшие для нас символами, источниками живых мифов». В подобного рода ситуации обозначенные нами выше межтекстовые связи между «Даром мудрых пчел» Ф. Сологуба и «Жизнью пчел» М. Метерлинка не могут быть случайными совпадениями. Вопрос же о том, являются ли подобные реминисценции сознательными намеками на творчество бельгийского писателя или же бессознательно воспроизводятся русским автором, не может быть решен однозначно, что, в свою очередь, связано со спецификой восприятия «чужого» текста самим Сологубом. По мнению Сологуба, художественный текст для читателя-поэта не может оставаться явлением отстраненным, поскольку такой читатель сопричастен созданию произведения и образ его всегда отражен в прочитанном тексте. Более того, в письме к А.А. Измайлову Сологуб определял заимствования в качестве одного из приемов собственного творческого метода: «...если я у кого-нибудь и заимствую, то лишь по правилу “беру свое везде, где нахожу его”. Если бы я только тем и занимался, что переписывал бы из чужих книг, то и тогда мне не удалось бы стать плагиатором, и на все я накладывал бы печать своей достаточно ясно выраженной литературной личности» [14. С. 419].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Joyzelle. Pièce en 5 actes. Paris : Eugène Fasquelle, 1914.

La sagesse et la destinée. Paris : Eugène Fasquelle, 1899.

La vie des abeilles. Paris : Eugène Fasquelle, 1901.

Le temple ensveli. Paris : Eugène Fasquelle, 1903.

Le Trésor des Humbles. Paris, 1898 (96).

Les aveugles. Bruxelles : Paul Lacomblez, 1892.

Marie-Magdeleine: Drame en 3 actes. Paris : Eugène Fasquelle, 1913.

MonnaVanna: Pièce en 3 actes. Paris : Eugène Fasquelle, 1913.

Serres chaudes. Bruxelles, 1895.

² Аглавена и Селизетта: пьеса / пер. с фр. Н. Эфроса. М. : Польша, 1908.

Двенадцать песен / пер. Г. Чулков, худ. Ш. Дудлэ. СПб. : О.М. Саблин, 1905.

Жуазель: пьеса в 5 д. / пер. с фр. М. Марек, В. Попов. М. : Польша, 1909.

Монна Ванна: Пьеса в 3 д. / пер. с фр. Ан. Чеботаревская. 3-е изд. М. : Универсальная библиотека, 1918.

Пелеас и Мелизанда: Пьеса в 5 д. / пер. с фр. Ан. Чеботаревская. М. : Польша, 1908.

Пелеас и Мелизанда / пер. с фр. В. Брюсова. М. : Скорпион, 1907.

Принцесса Малэн: Пьеса в 5 д. / пер. с фр. Ан. Чеботаревская. М. : Польша, 1909.

Синяя птица / Единственный разрешенный автором перевод с рукописи В. Бинштока и З. Венгеровой. М. : Польша, б.г.

- Слепые. Там внутри. Непрошенная: Пьесы / пер. Н. Соболевского. М.: Польза, 1908.
 Слепые. Там внутри: Пьесы / пер. Н. Соболевского. СПб.: Общественная польза, 1905.
 Сочинения: в 3 т. / пер. Л. Вилькиной; авт. предисл. Н. Минского, З. Венгерова, В. Розанова. СПб.: М.В. Пирожков, 1906.
³ Курсив мой. – А.С.
⁴ Сологуб имеет в виду собственное стихотворение, озаглавленное по первой строке «Живы дети, только дети...» от 15 апреля 1987 г.
⁵ Курсив мой. – А.С.

ЛИТЕРАТУРА

1. Силард Л. Античная Ленора в XX в. // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 27–53.
2. Страшкова О.К. Три интерпретации мифа // Брюсовские чтения 1980 года. Ереван: Советакан грох, 1983. С. 77–90.
3. Сологуб Ф. Дар мудрых пчел // Сологуб Ф. Собрание пьес: в 2 т. СПб.: Навьи Чары, 2001. Т. I. С. 45–114.
4. Успенски Э. Драма Федора Сологуба «Дар мудрых пчел» // Sineart, Nihil: Сборник научных трудов в дар Профессору Милюево Йовановичу. Белград; Москва, 2002. С. 361–374.
5. Сологуб Ф. Театр-храм // Театр и искусство. 1916. № 3. С. 13.
6. Мейерхольд В. Театр: (К истории и технике) // Театр: Книга о новом театре. М.: ГИТИС, 2012. С. 101–147, 136.
7. Меррилл Д. Драма Ф. Сологуба «Дар мудрых пчел»: Текстуальные источники // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации: материалы IV Междунар. науч. конф. / сост. М.М. Павлова. СПб.: Коста, 2010. С. 295–317.
8. Волошин М.А. Федор Сологуб. Дар мудрых пчел // О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки / сост. Ан. Чеботаревской. СПб.: Навьи Чары, 2002. С. 284–294.
9. Метерлинк М. Молитва («О, пожалей мою усталость...») // Северные записки. 1915. № 2.
10. Шаталова Н.Н. Библиотека Ф. Сологуба. Материалы к описанию // Архивный фонд ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 184.
11. La vie des abeilles. Paris: Eugène Fasquelle, 1901. 315 p.
12. Метерлинк М. Жизнь пчел // Метерлинк М. Разум цветов / сост. и прим. В.С. Кулагинной-Ярцевой. М.: Моск. рабочий, 1995. С. 207–340; 210.
13. Мудрость Метерлинка // Архивный фонд ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. Ф. 289. Оп. 1 № 358.
14. Неизданный Федор Сологуб / под ред. М.М. Павловой и А.В. Лаврова. М.: Новое лит. обозрение, 1997. 575 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 октября 2013 г.

Strelnikova Anna B. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: annas24@yandex.ru

ON WISDOM BACKGROUND IN *THE GIFT OF THE WISE BEES* BY F. SOLOGUB.

Key words: Sologub; Maeterlinck; symbolist theatre; image of bee.

The play *The Gift of the Wise Bees* was written in 1906 and was the first one in the chain of dramatic works created by F. Sologub. The drama is a personal interpretation of the myth about Laodamia and Protesilaus, which was rather popular in Russia at the beginning of the 20th century. The same plot was used in dramas *Protesilaus and Laodamia* by S. Wyspianski (1899), *Laodamia* by I. Annensky (1902), *Dead Protesilaus* by V. Bryusov (1913). The probable textual source of Sologub's play is the philosophical essay *The Life of the Bee* by M. Maeterlinck. The papers which are represented in the archives of the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences let us reckon M. Maeterlinck among the writers whose works Sologub was particularly interested in. Firstly, it can be proved by the number of Maeterlinck's books represented in Sologub's personal library: nine originals and eleven translations. Secondly, Sologub translated some of Maeterlinck's poems: "The Prayer", "The Greenhouse" and "The Temptation". The "Prayer" was published, "The Greenhouse" remained unpublished, "The Temptation" is mentioned in the translation files by Sologub while the text itself was not found. One should also admit the fact that Sologub could probably take part in some translations of Maeterlinck's plays made by An. Chebotarevskaya, Sologub's wife. Furthermore, in the archives there is an unpublished article devoted to the works by Maeterlinck. This article is regarded as an exceptional item for Sologub was not inclined to decode belles-lettres for "ordinary readers". The philosophical essay *The Life of the Bees* was published in Paris in 1901. One of the items was represented in Sologub's personal library. The book is a narration about life in a beehive, interwoven with philosophical generalisations. This work became a background for the development of some themes and images in *The Gift of the Wise Bees*. Bees, honey and wax in the play are metaphors of life, love and art respectively. Maeterlinck's idea about the interconnection of love and death becomes the leading one in Sologub's drama. Not only images and themes of *The Gift of the Wise Bees*, but also the idea of an innovative play originated in Maeterlinck's works. Belles-lettres by Maeterlinck were among the literary leads for Sologub, which can be proved by his unpublished article and fragments of published works devoted to art and theatre. Sologub's interest in Maeterlinck's works is considered to be an impulse for the former to write plays at the beginning of the 20th century, to address the problems of stage arts and to seek for the new theatre.

REFERENCES

1. Silard L. Antichnaya Lenora v KhKh v. // Silard L. Germetizm i germenevtika. SPb.: Izd-vo Ivana Limbakha, 2002. S. 27–53.
2. Strashkova O.K. Tri interpretatsii mifa // Bryusovskie chteniya 1980 goda. Erevan: Sovetakan grokh, 1983. S. 77–90.
3. Sologub F. Dar mudrykh pchel // Sologub F. Sbranie p'es : v 2 t. SPb.: Nav'i Chary, 2001. T. I. S. 45–114.
4. Uspenski E. Drama Fedora Sologuba «Dar mudrykh pchel» // Sineart, Nihil: Sbornik nauchnykh trudov v dar Professoru Milivoe Yovanovichu. Belgrad; Moskva, 2002. S. 361–374.
5. Sologub F. Teatr-khram // Teatr i iskusstvo. 1916. № 3. S. 13.
6. Meyerkhof V. Teatr: (K istorii i tekhnike) // Teatr: Kniga o novom teatre. M.: GITIS, 2012. S. 101–147, 136.
7. Merrill D. Drama F. Sologuba «Dar mudrykh pchel»: Tekstual'nye istochniki // Fedor Sologub: Biografiya, tvorchestvo, interpretatsii : materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. / sost. M.M. Pavlova. SPb.: Kosta, 2010. S. 295–317.
8. Voloshin M.A. Fedor Sologub. Dar mudrykh pchel // O Fedore Sologube. Kritika. Stat'i i zametki / sost. An. Chebotarevskoy. SPb.: Nav'i Chary, 2002. S. 284–294.
9. Meterlink M. Molitva («O, pozhaley moyu ustalost'...») // Severnye zapiski. 1915. № 2.
10. Shatalina N.N. Biblioteka F. Sologuba. Materialy k opisaniyu // Arkhivnyy fond IRLI (Pushkinskiy dom) RAN. F. 289. Op. 6. Ed. khr. 184.
11. La vie des abeilles. Paris: Eugène Fasquelle, 1901. 315 p.
12. Meterlink M. Zhizn' pchel // Meterlink M. Razum tsvetov / sost. i prim. V.S. Kulaginoy-Yartsevov. M.: Mosk. rabochiy, 1995. S. 207–340; 210.
13. Mudrost' Meterlinka // Arkhivnyy fond IRLI (Pushkinskiy dom) RAN. F. 289. Op. 1 № 358.
14. Neizdannyy Fedor Sologub / pod red. M.M. Pavlovoy i A.V. Lavrova. M.: Novoe lit. obozrenie, 1997. 575 s.